

СВЕТ

Газета православного
Прихода храма свято-
го великомученика и
целителя Пантеле-
имона поселка

КУЗЕДЕЕВО

Издаётся по благосло-
вению Высокопрео-
священнейшего Ари-
старха, митрополита
Кемеровского и Про-
копьевского

№ 43
НОЯБРЬ
2012 г.

ПРАВОСЛАВИЯ

И СВЕТ ВО ТЬМЕ СВЕТИТ, И ТЬМА ЕГО НЕ
ОБЪЯЛА. (ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИОАННА ГЛ. 1, СТИХ 5.)

В номере:

- ◆ Введение во храм
Пресвятой Богороди-
цы с.2
- ◆ Рождественский
пост с.3
- ◆ Награждение
благодетелей с.3
- ◆ О конце света с.4
- ◆ Вера Церкви с.5-6
- ◆ История Православ-
ной Церкви с.7-8

4 ДЕКАБРЯ-ВВЕДЕНИЕ ВО ХРАМ
Пресвятой Богородицы

Введение во Храм Пресвятой Богородицы

Проповедь протоиерея Александра Шаргунова

Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Мы все знаем, о чем сегодняшний праздник. Ветхозаветный первосвященник по внушению Духа Святого вводит Пресвятую Богородицу, трехлетнюю Отроковицу, туда, куда только первосвященник, и только раз в году, мог войти. Как поет Церковь, Пречистая Дева вводится «воспитатися во Святаия Святыя».

Но Евангелие, которое мы сейчас услышим, — оно читается на всех Богородичных праздниках, — повествует о встрече Божией Матери со святой праведной Елизаветой. Каждый раз в самое сердце поражают нас слова праведной Елизаветы, которые Духом Святым исторглись из ее уст: «И откуда мне сие, да прииде Мати Господа моего ко мне?» Как будто речь идет о каждом из нас. Кажется, эти слова переключаются с последним словом Христа на Кресте: «Совершилось!» Эти две женщины встречаются как два облака, несущие в себе чистоту и свет. И в результате рождается Песнь Пресвятой Богородицы. В ней — гром и молнии, и небесная свежесть Духа Святого. Она все превосходит, и потому мы каждый день слышим ее на Утрени.

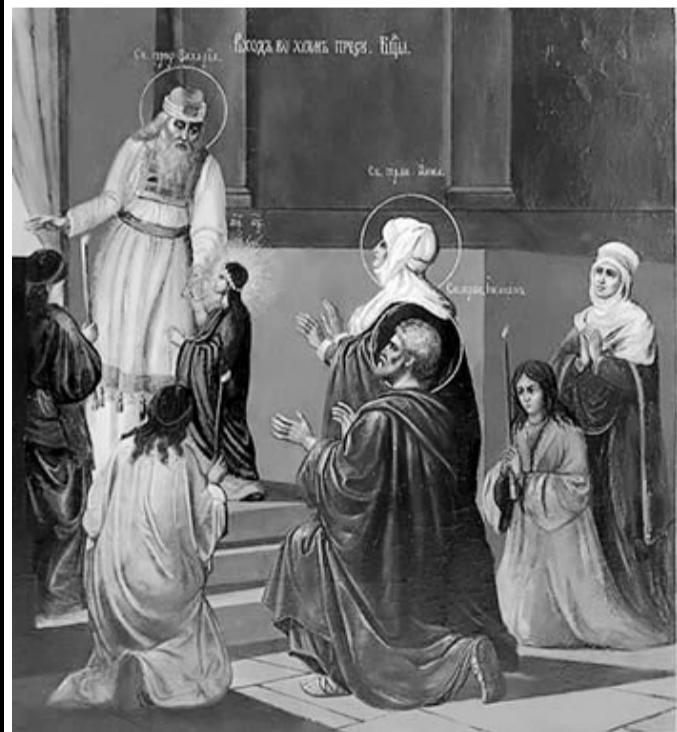
Как могла Пречистая Дева сказать: «Яко призре на смирение рабы Своея»? Как могла назвать Сама Себя смиренной? Как могла Она сказать: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди»? Мы знаем, что с самого Своего рождения Прекраснейшая из дочерей человеческих никогда не смотрела в зеркало, потому что Она смотрела только на Бога. С младенчества, с введения во Храм, в течение всей Своей жизни Она никого не видела, кроме Бога Отца, никого не видела, кроме Своего Божественного Сына, — в напряжении постоянной любви, неколеблущейся даже во время страшных Крестных Страстей Христовых, когда Она остается единой с Отцом, Сыном и Святым Духом.

Однако Она говорит о Себе. Песнь Богородицы начинается словами, которые все — цитаты из Священного Писания, исполнившегося в Ней. Вот почему Она говорит: «Се бо отныне ублажат Мя вси роди». Это явление истины и любви, выражающей в радости Святого Духа

Богом во чреве своей матери, его сердце веселит Дух Святой. Вот почему он не будет пить ни вина, ни сикера — он не захочет знать никакого другого опьянения, кроме опьянения Духом Святым. И мы изумляемся абсолютно непостижимо для нас дерзновению Божией Матери. Исполненная любви к Богу, Она произносит слова невероятного пророчества. Ее радость — о том, что встретились вместе несущие в себе двух самых великих пророков, один из которых — Иоанн Предтеча, а другой — Спаситель мира. Мы называем Божию Матерь Царицей пророков, и Она, действительно, превосходит в Своем пророческом дерзновении всех пророков. В Ее слове — абсолютная уверенность, Ее слово — чистое как алмаз, оно рассекает как меч.

«Се бо отныне ублажат Мя вси роди». Что значит «ублажат»? Это значит, что Ей будет дана полнота радости, блаженства. Она — радость Отца Небесного. Она — наша радость. Она — радость всего человечества. Если дано нам было однажды узнать Ее сокровенное участие в нашей жизни — мы узнали блаженство, которое не перестанет расти, пока мы храним верность Богу. В этом смысле все христиане — пророки. И Божия Матерь — поистине Царица пророков. Мы тоже, когда касаемся нас Дух Святой, исполняемся необыкновенного дерзновения, и ни в чем не сомневаемся. Потому что узнаем с великой уверенностью, что мы навеки едины с Богом — что бы ни произошло. И когда мы — с Ним, то способны совершить невозможное. Так человек в состоянии опьянения может сражаться с теми, кто намного сильнее его, или обещать самое невероятное. Но когда он протрезвеет, то видит, что нет в нем ничего великого. С нами происходит нечто подобное. Мы возвращаемся в наше «нормальное» состояние, осознаем необходимость продолжать свой путь в этой долине слез — и у нас возникает сомнения. Но на самом деле, наше нормальное состояние — это то состояние опьянения, которое дается нам в познании благодатной вечности.

Мы говорим, что Божия Матерь — предизбранная от всех родов прежде создания мира. И введение Ее во Храм, во Святое Святых, — свидетельство этому. Но самое поразительное в жизни Богородицы и Матери света — это то, что Она должна была пройти через мрак веры. Часто противопоставляют веру и видение. Преподобный Силуан Афонский пишет, что одно дело — верить в Бога, а другое — знать Его. И Святые отцы всех веков говорят, что Божия Матерь видела, знала, что должно произойти. Но Она не была бы столь возвеличена Богом, если бы Ей не было дано пройти через мрак веры. Потому что Она более всех должна была приобщиться тайне крестной богооставленности Своего Сына. И потому что Ей, как нашей Матери,

то, чего еще не существует, то, что еще только в самом начале, то, что еще впереди. Именно сегодня, после недели поста, Церковь впервые воспевает ирмосы Рождества Христова, которые будут звучать постоянно, пока мы не достигнем Вифлеема. Наше сугубое восхождение к тайне Божественного Воплощения начинается в праздник Введения.

Что же нам открывает сегодняшнее Евангелие? Два младенца еще не явились на свет. Они еще невидимы. Однако святой Иоанн Предтеча уже исполнен

надо было приобщиться тому, что переживает каждый из нас.

Нам должно быть совершенно ясно: чем глубже благодатные откровения, чем больше Дух Святой утешает, просвещает и вдохновляет нас, тем большее имеем мы дерзновение. И тем большие испытания ждут нас впереди. Чем яснее мы видим в свете Духа Святого, тем большая требуется от нас вера, чтобы передвигать горы, о которых говорит Христос. И тем большая вера требуется от нас, когда все происходящее вокруг, кажется,

совершенно противоречит Божию взгляду на мир. Это значит, что видение тайн, введение во Святое Святых Божией Матери, требовало от Нее исключительнейшей веры. Вера — продолжение откровений. Благодатное видение — это состояние опьянения, которое дает нам Дух Святой. А вера — это свет, который позволяет нам идти во мраке событий. И Бог знает, среди какой тьмы шла Божия Матерь, особенно тот отрезок крестного пути, когда Она ни на шаг не отступала от Своего возлюбленного Чада.

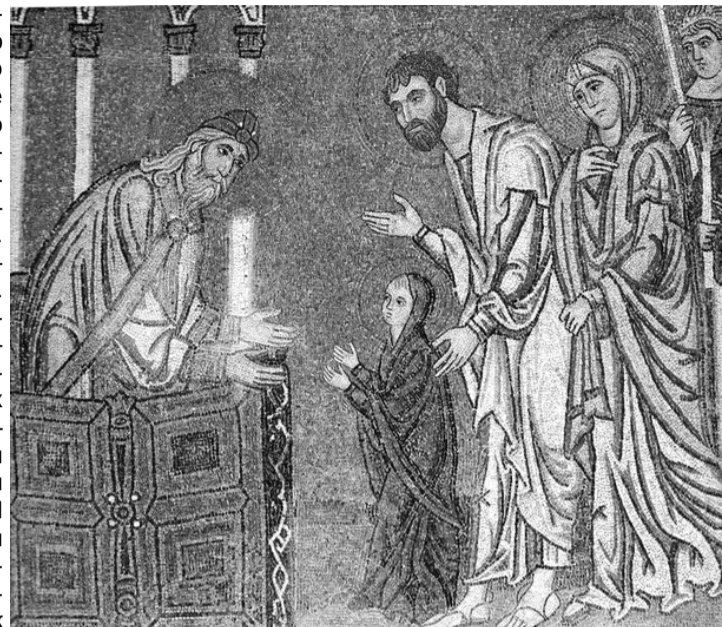
Мы продолжим наше восхождение к Рождеству Христову. Но будем помнить, что образ всего этого поста — ночь Рождества. И она будет длиться достаточно долго, потому что мы должны дойти до самых Вифлеемских яслей. До того места, где никто Его не принял, и «свои Его не приняли». «Свет во тьме светит», но «свои Его не приняли», как услышим мы среди пасхальной ночи. И это в полной мере относится также к тайне Рождества. Свои не приняли Его, не позаботились о Нем. И Божия Матерь идет в ночи, но с верой и надеждой. Мы не сомневаемся, что Она знает. Она знает. Все матери мира чувствуют, что произойдет с их детьми. А здесь — Божия Матерь.

Она знает, что эта Вифлеемская пещера — прообраз гробницы, в которую положат Его, сняв со Креста. Она знает, что пелены, которыми повит Младенец, прообразуют те пелены, которыми Он будет связан во гробе. Она знает, что в мире — ночь. Она знает, что существует великая взаимосвязь между рождением и смертью Ее Божественного Сына. И в час, когда будет совершаться переход от Великой Субботы к Светлому Воскресению, мы услышим, что те, кто хранит Ему верность до конца, будут идти ко гробу с ароматами еще во тьме, и достигнут его с первыми лучами восходящего солнца. Точно так же горит среди мрака мира звезда Вифлеема. В ночи Рождества присутствует то и другое. И мы идем ко Христу, думая о том, как всю нашу жизнь принести к Его яслям. И всех наших детей. Будем молить Божию Матерь, входящую сегодня во Святаия Святых, чтобы Она сопутствовала нам в ночи веры и надежды в течение всех этих дней, которые отделяют нас от Рождества Христова. Аминь.

Введение в тайну Рождества Христова

Перед великими и сильными, перед гордостью человеческой Бог снова ставит сегодня ребенка. Вот знамение, которое будет явлено в Рождестве Христовом и которое мы видим уже сейчас. Этот Ребенок, трёхлетняя Отроковица Мария, со всем совершенством, какое у Неё есть, ведёт нас к более высокому, чем Она, — к Богомладенцу Христу, к Источнику жизни нашей. Если «не будете как дети, — говорит Христос, — не войдете в Царство Небесное».

Но требуется осторожность. Возвращение к детству небезопасно. Нам всегда угрожает болезнь инфантилизма. Разумеется, не этого ждёт от нас наш Творец, наш Отец. Мы должны быть детьми сердцем, а не умом. Источник всего — это то, откуда я пришёл, это прежде меня, прежде всех. Это то, откуда мы посланы Богом на землю. В плане земном любовь наших родителей — начало нашего рождения. Но мы понимаем, что надо восхо-

дить выше, всегда выше. И так мы придём к любви Того, Кого мы называем Богом, Творцом, Отцом, Началом. Это то, что мы ищем и обретаем среди Пасхи Господней, когда слышим Евангелие: «В начале было Слово». И это то, о чём говорят самые первые слова Писания: «В начале сотворил Бог небо и землю». Только здесь может найти каждый из нас своё подлинное место рождения, своё подлинное «я». Только здесь мы можем родиться в новый мир и составить все вместе с Богомладенцем и Пречистой Его Матерью народ Божий. «Если кто не родится свыше, не может увидеть Царствия Божия» (Ин. 3:3).

Введением во Храм своей трёхлетней Дщери святые праведные Иоаким и Анна, которым вверена забота об их Чаде, совершают служение этой глубокой тайны. Тайны отношений их Чада с Источником Её жизни — Богом Отцом. О, если бы родители, присутствующие при крещении своего ребенка, по-настоящему сознавали, что значит это таинство! Как сказал один священник, новомученик: «Ваши дети — не ваши дети».

Событие Введения возвещает нам о чрезвычайной человеческой ответственности и о том, что превосходит кровные узы. Необходимо превзойти земное родство, чтобы явились свобода и ответственность каждой человеческой личности пред Богом. «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня; и кто любит сына или дочь более, нежели Меня, не достоин Меня» (Мф. 10:37). Сам Господь не отнесёт ли к Самому Себе это слово, слишком тяжкое для слышания многих: «Кто мать Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот мать Моя и братья Мои; ибо кто будет исполнять волю Отца Моего Небесного, тот Мне брат, и сестра, и мать» (Мф. 12:48-50).

Надо ли напоминать здесь об исчезновении двенадцатилетнего Отрока Иисуса в Иерусалиме и Его пророческом изумлении перед тревогой и упреками Его родителей: «зачем было вам искать Меня? или вы не знали, что Мне должно быть в том, что принадлежит Отцу Моему?» (Лк. 2:49).

Праздник Введения во Храм вводит нас в тайну Рождества Христова. Тайну Самого Бога и тайну человека — творения, чада Божия. Чтобы Бог мог стать Еммануилом — Тем, Кто «с нами Бог», надо, чтобы каждый из нас стремился быть «человеком с Богом», стать чадом Божиим. В то время как мы часто довольствуемся быть только чадами своих родителей, детьми земли.

https://hram-vs.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=1036:vv-edenie-vo-khram-presvjatojj-bogorodicy&catid=62:ash&Itemid=106

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ПОСТ

(с 28 НОЯБРЯ по 6 ЯНВАРЯ)

Для многих пост стал давно привычным делом. Настолько, что даже забываем, а ради чего все происходит? На вопрос, как вернуться к изначальному пониманию смысла поста, отвечает священник, иконописец Андрей Давыдов:

С возрастом лучше осознаешь, насколько слаб и ограничен отдельный человек, сколь бы он ни был умен или талантлив. За время своей жизни никто из нас не в состоянии понять все, что встречается, и обо всем выработать правильную стратегию поведения.

Для восполнения нашей недостаточности нам дано в пользование замечательное средство, которым мы – современные и самостоятельные люди 21-ого столетия, – к сожалению, мало пользуемся, пытаемся всюду обойтись собственными усилиями. Я имею в виду коллективный, или, говоря в церковной терминологии, «соборный» опыт человечества.

Есть выработанный веками и людьми опыт, как жить полноценно и счастливо. Есть уже решенные вопросы и отрегулированные вещи, которые нам лично нет необходимости продумывать и перепроверять методом проб и ошибок, каждый раз изобретая велосипед. Очень многое за нас продумали и проверили предыдущие поколения. Целесообразно воспользоваться их опытом, чтобы легче справляться с теми задачами, которые наше время ставит перед нами.

Мне кажется, что раньше людям было в чем-то легче жить, поскольку они больше

доверяли общинному опыту, который впитывает в себя все полезное для жизни и указывает остерегаться от вредного, убивающего и разрушающего. По большому счету этот опыт подсказывает, что –

дорога Жизни, а что – смерти. Нам досталось время, в котором отдельная индивидуальность постоянно противопоставляет себя общему, и лежащая на поверхности, доступная каждому желающему премудрость коллективного опыта оказывается для нас сложнейшей теоремой, на которую мы расходуем массу личного времени и сил, достойных более рентабельного применения.

Мне кажется, что одна из задач Церкви, с которой она прекрасно справляется, – быть накопителем и хранителем этого общего опыта, чтобы поделиться с каждым, кто о нем спросит. Любые «бытовые» и будничные рекомендации Церкви всегда основаны на длительной проверке практикой и имеют целью сделать жизнь каждой личности полноценной, а человеческий род – жизнеспособным.

Среди прочих законов «правильной», «нормальной» жизни с самых первых дней существования Церкви постоянно присутствуют правила поста. Они широко варьи-

руются в зависимости от времени, народности и места, но всегда упоминаются как общепринятая часть жизни.

Никто не будет спорить, что наше состояние и самочувствие среди прочего зависят от нашего питания. Любой журнал о здоровье пишет, что наше питание должно периодически регулироваться. Во всех многочисленных старых и новых диетах сообщается о том, что должны быть сезонные периоды более легкого питания с исключением животных жиров и тяжелой пищи.

Почему бы мне не воспользоваться опытом поколений моих предков, которые столетиями учились именно в этом климате и на этой земле обращаться с едой правильно? Этот опыт выражен, в частности, в церковных предписаниях о посте.

Это однозначно полезно и душе и телу, которые очень взаимосвязаны, ведь человек есть целостное единство. Любой, кому приходилось хотя бы неделю попоститься, знает то чувство легкости, бодрости и подвижности, которое сопутствует этому времени. В сложившихся на практике правилах поста для мирян не идет речи о доведении себя до голодных обмороков и снижении работоспособности.

Наоборот, по моему личному опыту, во

время поста работа спорится лучше и проще. «Выход производимой продукции» (в моем случае написание икон), несмотря на большее количество обязательных для меня, как настоятеля прихода, богослужений, никогда не бывал у меня меньше, чем в обычное время. Обычно — больше.

Все вышесказанное — лишь некоторые соображения по поводу практической пользы поста.

Если же говорить о том, что касается веры, мне важно, чтобы Рождество было особенным и длительным событием. Я не успею прожить и проникнуться значением праздника Рождества Христова за последние день-два – 6-7 января. Начиная пост за 40 дней, я уже вступаю в область этого События.

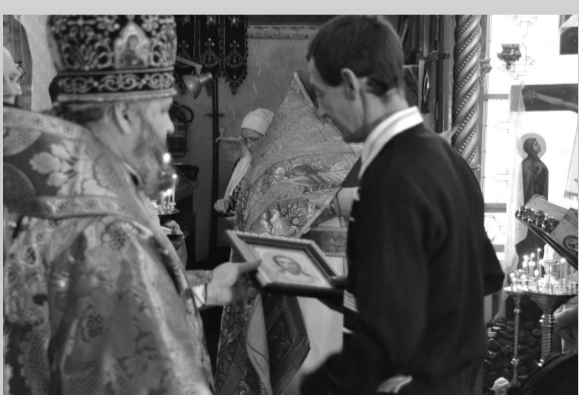
Пост выражается не только в определенном питании. На эти дни выпадает большее, чем обычно, количество богослужений, которые с первых дней поста посвящены приближающемуся Празднику, и ежедневная будничная деятельность в большей степени пропитывается духом молитвы и веры.

В период поста лучше понимаешь, что тебе дана жизнь не только для того, чтобы успеть переделать все житейские заботы, что каждое ее мгновение ответственно, «торжественно и чудно». Все дни поста, Праздника и последующих Святок совокупно освещены особым светом и внутренней приподнятостью души.

<http://www.pravmir.ru/post-%E2%80%9393-chtoby-rozhdestvo-bylo-osobennym/>

Награждение благодетелей

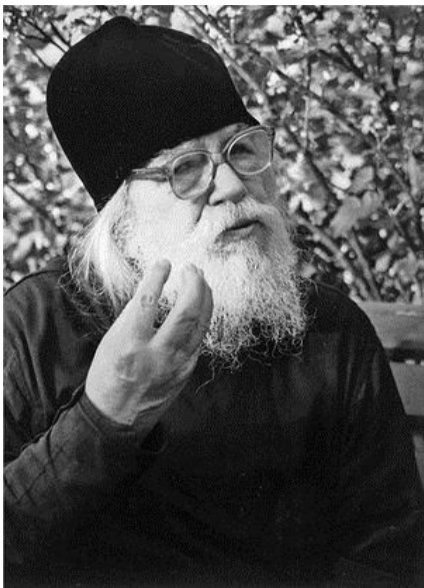
21 ноября после литургии Престольного праздника Михайло-Архангельской церкви г.Новокузнецка Высокопреосвященнейший Аристарх, митрополит Кемеровский и Прокопьевский наградил тружеников Новокузнецкого ДРСУ епархиальными наградами за изготовление и установку новой ограды Кузеевской церкви. Среди награжденных : генеральный директор Макаревич Григорий Геннадьевич, начальник участка № 5 Дукин Игорь Вениаминович, кузнец Файзидинов Кадридин Айнидинович, тракторист Смертин Николай Юрьевич, дорожный рабочий Борщ Ярослав Григорьевич, дорожный рабочий Сытков Валерий Александрович, дорожный рабочий Лысенков Андрей Юрьевич, мастер участка Соломенников Федор Сергеевич, а так же главный инженер ОАО «Предзаводская автобаза» г. Кемерово Матвиенко Юрий Владимирович.

По поводу разговоров о конце света приводим открытое письмо архимандрита Иоанна Крестьянкина одиннадцатилетней давности, которое и сегодня остается актуальным.

Дорогие мои, чада Церкви Христовой!

В нынешние дни, когда небо и земля ликуют о неизреченной милости Божией - о рождении в мире Спасителя его, когда Православная Церковь 2000-летним своим страдальческим стоянием в истине и спасительными своими трудами утверждает, что с нами Бог, когда сонм российских прославленных новомучеников заложил в фундамент Церкви плод своего красного сея-

ческими потрясениями, катастрофами, войнами, притеснениями. Необходимо бороться с этой язвой духовной. Сам ап. Павел начал эту борьбу - написав целое 2-е послание к Солунянам (а отчасти и первое), где он запрещает верить "духу, или слову, или посланию" (2 Фес.2-4). Несмотря на это, подобные движения в истории возникали снова и снова. И даже великие столпы Церкви ошибались в назначении сроков "конца Вселенной". Например, св. Иоанн Златоуст прямо писал, что конца мира нужно ожидать около "четырехсотого" года. "Я не погрешу"(!), - говорил он, указывая приблизительную

дату около 400 г. ... И погрешил: прошло 1548 лет с этого дня, конца мира нет. Писано это в 8-м томе его сочинений, в объяснении Христа с самарянской (Евангелие от Иоанна, гл.4).

Подобно этому, и во время гонения на иконы и иконопочитателей - 6-9 веков - дуалом о "близком" конце мира св. Феодор Студит. И вообще многие и много раз увлекались этой идеей. В России - об этом говорил о. Амвросий Оптинский."

Но вот мы дожили до 2001 года, а конца мира все нет и жизнь продолжается. И Христос, пришедший в мир грешных спасти, продолжает Свой подвиг - любви к роду человеческому. Он даровал нам путь ко спасению, и Он один и тот же на все времена для христиан и первых, и последних времен - и это вера в Промысл Божий и жизнь по вере. Сам же Господь наш Иисус Христос в Своей первосвященнической молитве просит о всех, верующих в Него, Бога-Отца: Я не молю, чтобы Ты взял их из мира, но чтобы сохранил их от зла.

Дорогие мои, это о нас молит Христос! Так, Божиим велением мы, чада Божии, призваны жить в мире, а мир бывает разным - христианский, языческий, богоборческий, и в нем, в таком разном, мы призваны пронести свет Христова учения и Истины, а это, по слову Писания, - "любовь, радость, мир, долготерпение, благость, милосердие, вера, кротость, воздержание. На таковых нет закона".

В предпразднственном каноне на Крещение Господне Церковь предельно ясно описывает отношение к мирскому и Божескому для всех, идущих во след Христа. Он - Христос - "написался, но не поработился еси, кесаревым повелением повинуюся, аще бо и от работы утешение нам подавая, вольно повинуюшися и даньствуеши дидрахму, но законом греха первое проданные ны свободил еси ныне и сыноположения удостоил еси". И по примеру Спасителя мы, верующие, повинуюемся государственным законам, оставаясь при этом духовно свободными, как сыны Божии, сыны Света!

И как не вспомнить нам в нынешней нашей ситуации того момента в жизни Церкви, когда она вошла в беспредел революционной смуты и надо было учиться жить и сохранять Церковь в период полного беззакония. А наш Святейший Патриарх Тихон встречал каждый день в спокойствии духа, ибо верил Богу и Ему предавал и Церковь, и себя, и народ Божий.

Вера Богу - вот в чем наша сила, наше противостояние смуте и расколу в Церкви. Свидетельства истинной веры оставили нам российские новомученики. Так, священномученик митрополит Вениамин Петроградский пишет перед своей мученической кончиной: "Я радостен и покоен... Христос наша жизнь, свет и покой. С Ним всегда и везде хорошо. За судьбу Церкви Божией я не боюсь. Веры надо больше, больше ее надо иметь нам, пастырям. Забыть свою самонадеянность, ум, ученость и дать место благодати Божией - вот истинно христианский духовный настрой".

Верующий живет в мире со Христом, умирает во Христе и идет ко Христу. И кто нас разлучит от любви Божией: ни скорбь, ни теснота, ни клевета на Бога и Церковь, которую сеет враг рода человеческого?

А страх, идеже не бе страха, теперь парализовал веру и отнял надежду, и тень

вражья силится заслонить собой Солнце правды - Христа.

Да не будет! Дорогие мои, как мы поддались панике - потерять свое христианское имя, заменив его номером? Но разве это может случиться в очах Божиих? Разве у Чаше жизни кто-то забудет себя и своего небесного покровителя, данного в момент крещения? И не вспомним ли мы всех тех священнослужителей, мирян-христиан, которые на долгий период жизни должны были забыть свои имена, фамилии, их заменил номер, и многие так и ушли в вечность с номером. А Бог принял их в Свои Отеческие объятия как священномучеников и мучеников, и белые победные ризы сокрыли под собой арестантские бушлаты. Не было имени, но Бог был рядом, и Его водительство вело верующего заключенного сквозь сень смертную каждый день. У Господа нет понятия о человеке как о номере, номер нужен только современной вычислительной технике, для Господа же нет ничего дороже живой человеческой души, ради которой Он послал Сына Своего Единородного Христа-Спасителя. И Спаситель вошел в мир с переписью населения.

А что сказать о контроле и тотальной слежке, которыми так пугают простодушных людей? Когда и в каком государстве не было тайной канцелярии? Все было... и все есть... и будет... но ничто не мешает спастись верующему человеку. И каждый идет по жизни своим крестным путем, верой проходя все, встречающееся на жизненном пути. И верующий все принимает от руки Божией с уверенностью, что все спешествует ему ко спасению.

Подумать бы нам лучше о том, о чем действительно всегда надо помнить православному христианину - о всевидящем Оке Божием, Которое видело, как ткалась наша плоть, об ангеле света и ангеле тьмы, сторожащими каждый наш шаг, каждую думу - от младенческой колыбели и до гробовой доски. А думаем ли мы об этом? Сейчас мы все больше боимся печати антихриста, которая будет во время оно, во время, до которого мы не знаем, доживем ли. А вот о печати нашего личного греха мало кто даже задумывается. Но именно она, эта печать, отдает человека во власть антихристовых стихий и дел и является действительным прообразом той печати, которой на самом деле стоит бояться! И ничто божественное не пройдет сквозь эту страшную греховную печать, которой мы ежедневно печатаем свой ум и сердце.

Господь же, зная нашу немощь, дал нам покаяние - разрешение от греха. Но это очищение души, ума и сердца совершается только в Церкви, только в Таинствах. И именно на Церковь сейчас так ополчился враг. Да, все Божественное Писание свершится без сомнения. Да, будет пред концом мира три с половиной года такая туга, какой не было от сотворения мира, и этим знаменуется власть антихриста. Да, будет Славное и Страшное Пришествие Спасителя, Который убьет врага духом уст Своих. Все будет, но - когда? Времена и сроки положил в Своей власти Господь Бог - Отец, а остановить Промысл Божий или изменить его не в силах никакая самая могущественная рука. И нам не удастся ни приблизить это время, ни предотвратить. А жить надо теперь, сейчас, жить надо в Боге. А уже сейчас зовут людей в леса, в пустыню, в потаенные комнаты. Не брать номер, не входить в новую систему государственного учета, уйти от мира, уйти из Церкви. Но как же спастись? Как жить, как растить детей в Боге, б этом умалчивают все. И уже сейчас поток горьких, слезных и недоуменных писем захлестнул духовников.

Церковь наша уже имеет свой налоговый номер и в нее уже ходить нельзя. И старушка, всю жизнь свою и в самое тяжкое время сохранившая верность Богу и Церкви, теперь будучи на исходе из жизни, отпадает от Спасительного Церковного ковчега. И кто ответит пред Богом за соблазн малых сих, которые простодушно споткнулись о то, что к духовной жизни не имеет никакого отношения - о налоговый номер... Вот и смотрите, какая проверка нашей веры, ее разумности, ее духовности идет сейчас. Печать Христова явилась в мире после свершения Его спасительного подвига. Крест, бывший орудием позорной казни,

освященный кровью и благодатью Господа нашего Иисуса Христа, стал Христовой печатью - неограниченной силы на все вражье. Теперь же говорят только о числе 666 как печати антихриста. Но разве он уже получил власть в мире? разве стерлись государственные границы, и мир и безопасность убаюкивающие ласкают наш слух?.. И антихрист воцарился, признанный всеми как всемирный правитель, получив тем право на свою печать? Но еще Апостол и Евангелист Иоанн Богослов говорит, что в его время появилось много антихристов. А что скажем о настоящем, нашем времени? Разве что становится мало христиан и много, очень много антихристов. Их много - неверов, смутьянов, соблазнителей, раскольников и растлителей, но это еще не тот единственный антихрист, который поущением Божиим получит власть над миром и живущими в нем на три с половиной года. И надо нам всем помнить, что мы теперь еще живем в спасительное время, во время благодатное, когда Спаситель мира Христос готов принять и спасти всякого грешника, воздохнувшего к Богу о своем спасении.

Вот и будем спасаться в Церкви, ограждая себя страхом Божиим от всякого греха, от лукавства, лжи и фальши, от самости и своеволия. И хорошо бы теперь, когда в народе пробуждается христианское самосознание, понять нам всем, кому и за чьими методами борьбы за "свободу". Да и от чего должны мы быть свободны?

- От христианской церковной дисциплины, когда соборный голос Церкви оспаривается личным мнением?

- От Церкви единой соборной, раскольническая часть которой зовет людей в "катакомбы", чтобы она выродилась в секту?

- От выплаты налогов, чтобы по слову Писания: "кто собрал много, не имел лишнего, а кто мало - не имел недостатка?"

И не насторожит ли чад Церкви то, что в желании достичь своей цели борцы не гнушаются пользоваться методом отца лжи диавола - КЛЕВЕТОЮ? С начала возникновения этой смуты я написал немало частных писем в отношении ИНН. И вот одно из них волей Божией было обнародовано через Интернет Сретенским монастырем на широкую аудиторию. Но письмо объявили подлогом. И сегодня я опять и опять подписываюсь под этим моим письмом. И именно в нем звучит мое восприятие всего происходящего, а не в той анонимке, которую опубликовали неведомые клеветники в газете "Русский вестник" (№№ 46-48 за 2000 год), навязывая в ней свое мнение моему имени. Теперь же в связи с тем, что мое имя вплетают в свою клевету те, кто борется с Церковью, я обязан сказать всем, кто вовлечен в этот психоз:

БОЙТЕСЬ РАЗДЕЛЕНИЯ И РАСКОЛА В ЦЕРКВИ!

Бойтесь отпасть от Матери-Церкви, только она одна и сдерживает лаву антихристианского разгула в мире теперь! Бойтесь судить церковное священноначалие, ибо это гибель и без антихристовой печати!

БОЙТЕСЬ ГРЕХА!

Мы уйдем из жизни задолго до того, когда явится тот страх, который обуял всех теперь. Но, отпад от Церкви, мы и наследуем как раз то, чего так боимся сейчас. Напечатлеем же на скрижалях сердца и ума духовную основу нашего единения с Богом: Сыне, даждь ми твое сердце. Душу и сердце, верное Богу, Господь не отдаст на поправление врагу! Обмануть человека легко и другому человеку, обмануть нас врагу с его многовековым опытом во лжи ничего не стоит. При современных технических возможностях можно тайно и явно запечатлеть все народы и "номера", и "чипами", и "печатами". Но они душе человеческой не могут повредить, если не будет сознательного отречения от Христа, и сознательного же поклонения врагу Божию. И животворящие слова Спасителя нашего да будут руководством и путеводителем нам по житейскому бурному морю: Мир оставляю вам, мир Мой даю вам; не так, как мир дает, Я даю вам. Да не смущается сердце ваше и да не усташається (Ин. 14, 27-28), веруйте в Бога, и в Меня веруйте (Ин. 14, 2).

<http://www.zavet.ru/inn-krest2.htm>

Вера Церкви

Христос Яннарас

(Продолжение. Начало в №27-42)

Бог присоединяет к Себе человеческую природу, делая ее причастной к Своему естеству. При этом в единой экзистенции, в единой личности ипостазуется способ бытия, общий обоим природам. Эта Личность - воплощенное Слово, второе Лицо Святой Троицы, "ставшее плотью"; Единородный Сын Бога-Отца: Иисус, Христос (помазанник) Божий.

Обе природы соединяются во Христе "неслитно" и "нераздельно". Они не смешиваются между собой; их различие не упраздняется. Как Божество, так и человечество Христово сохраняют присущие им свойства в лоне единой и неделимой экзистенции, в единой Личности Христа. Церковь исповедует Христа как совершенного Бога и совершенного человека; ни человеческое, ни Божественное Его естество не претерпевает, соединившись, никакого искажения, изменения или же умаления. Все эти формулировки, однако, рискуют показаться чистыми абстракциями, если мы забудем о том *способе*, каким личность

ипостазурует природу (реализует ее как экзистенциальный факт), а также о способе соединения природ. Необходимо помнить, что природа может реализоваться лишь в образе личностной ипостаси, что вне личности она просто не существует. Личность же ипостазурует природу тем, что воссоединяет в единственной и неповторимой

экзистенции, в собственной инаковости и свободе все природные энергии: волевою, интеллектуальную, сексуальную, творческую и т.д. Естество открывается нашему познанию лишь как экзистенциальное событие, то есть лишь через посредство сво-

их энергий, экзистенциально явленных в личности. Природа вне энергий есть просто абстракция, просто отвлеченная "сущность", не существующая реально. Но и личность вне ипостазуемой природы - не более чем абстрактный "принцип".

Опасность интерпретации соединения двух природ во Христе как всего лишь умозрительного "принципа", относящегося к лишенным всякого реального существования логическим сущностям, обнаружилась в Церкви в связи с ересью монофелитства и моноэнергизма. Сторонники этой ереси признавали

соединение двух природ во Христе - человеческой и Божественной, но мыслили его таким образом, что в результате этого соединения в личности Христа присутствует лишь одна воля и энергия.

Между тем наличие одной воли и одной энергии свидетельствует о существовании

"Природа вне энергий есть просто абстракция, просто отвлеченная "сущность", не существующая реально. Но и личность вне ипостазуемой природы - не более чем абстрактный "принцип".

и одной единственной природы: ведь вторая природа, не проявленная как экзистенциальный факт, есть тем самым нечто несуществующее! Если во Христе дей-

ствует только Божественная воля и энергия - значит. Его человечество в действительности не ипостазировано. Тогда Он - всего лишь "призрак" человека, не обладающий реальным бытием; тогда человеческая природа не может считаться ни воспринятой,

ни исцеленной Божеством.

Церковь видит во Христе воплощенное Слово Божие. В этом конкретном экзистенциальном факте ипостазирована как Божественная, так и человеческая природа. В единой экзистенции, в ее личностной инаковости и свободе соединяются и действуют энергии обоих естеств. Личность предшествует природе, во-существляет ее, воссоединяет естественные энергии и проявляет их, оставаясь свободной по отношению к ним. Так, свобода Христа как Личности не зависит от энергий двух природ. Она подчиняет их себе, при этом соподчиняя их друг другу таким образом, что воля человеческая не противоречит и не противопоставляет себя всемогущей Божественной воле, но покоряется ей.

Следовательно, первенствование Божественной воли во Христе не есть результат природной необходимости, оно не навязано человеческому естеству всемогуществом Божества. Это дело личного свободного выбора Христа, который Церковь противопоставляет выбору Адама. Первый человек отказался от возможности реализовать свое бытие (личностное существование природы) по образу Троицы: жизнь как единение в любви и самоотречение в любви. Адам, обладая личной свободой (проявления и направления естественных энергий, конституирующих экзистенцию), предпочел направить волевою энергию своей природы не по пути жизни, но по пути смерти. Это означало иссякновение жизни, сведение ее к индивидуальному выживанию, к изолированному ограниченному существованию ради самого себя. Природа, приобретая экзистенциальную автономию, действует как жизненная *необходимость*,

как инстинктивное стремление выжить, самоутвердиться, продлить самое себя. Естество отделяется от возможности личностного бытия; природные энергии - от личностной свободы, от личностного способа проявления, превращаясь в экзистенциальную самоцель, в естественную необходимость. Личность подчиняется природе, условиям тварного бытия, и приходит этим путем к смерти как к последней природной неизбежности, господствующей над тварью.

Напротив, второй Адам - Христос - свободно подчиняет Свою человеческую волю воле Божественной, воле истинной жизни, проявляющейся в послушании Отцу, в самоотдаче любви. Божественная воля во Христе есть единая воля Святой Троицы, воля к жизни, любви и свободе - свободе от какой бы то ни было необходимости; свободе, равнозначной вечной жизни. Именно этой воле к свободе, в которой жизнь реализуется как самоотдача и смирение в любви, - именно ей подчиняет Христос Свою природную человеческую волю; именно это смирение восстанавливает и исцеляет природу человека. Она не связана более необходимостью самосохранения твари, ее отчаянными усилиями удерживать свое эфемерное существование, неизбежно кончающееся смертью. Отныне есть Личность, воссоединяющая природные энергии человека в свободном жизнеизъявлении; отныне наша природа участвует в жизни Троицы через волю Сына. Тварность, материальность нашей природы не препятствует ее ипостасному, экзистенциальному единению с Божеством, потому что не естество само по себе с его энергиями (материальностью или же нематериальностью, духовностью), но ипостазуемая его личность конституирует реальное существование человека.

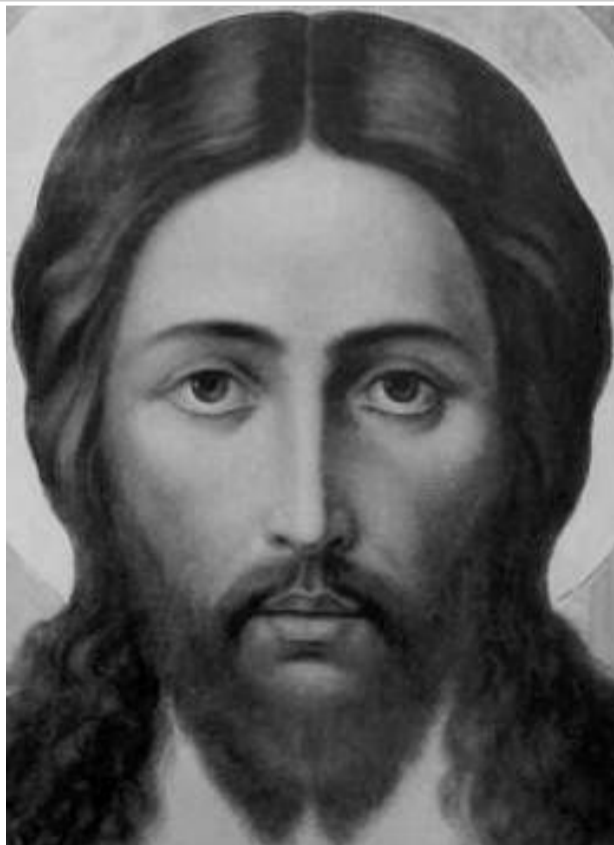
Совершенный Бог и совершенный человек

Поразительно, сколь тщательно искала Церковь наиболее точные определения, касающиеся Личности Христа. Эти усилия были направлены не на исчерпывающее словесное описание соединения Бога с человеком либо его логическое обоснование, но на предохранение этой истины от какого-либо неверного истолкования. Любое искажение повлекло бы за собой сомнение относительно возможности участия человека в претворении смертного и тленного в нетленное, совершающемся в результате воплощения Слова.

Мы называем воплощение Бога в Личности Христа "вочеловечением" Бога. "Мы говорим о Боге, ставшем человеком, а не об обожествленном человеке". Говоря о Христе, мы не должны упоминать вначале о человеке, с которым соединилось Божество, ибо не существовало никакой предшествующей человеческой ипостаси, с которой впоследствии соединился бы Бог-Слово. Божественный Логос Сам создал для Себя живую плоть "из чистой крови Девы", и, Сам будучи Ипостасью, воплотился благодаря этому чудесному зачатию. Восприятие человеческой природы Словом осуществилось в соответствии с тем, как природа проявляет себя в качестве экзистенциального факта: исходным пунктом его стала утроба женщины, где зарождается и развивается живая плоть, носительница ипостаси-личности.

Мы говорим сейчас о воплощении Сына и Слова Божия, второго Лица Святой Троицы. Из этого вовсе не следует, что Слово отделяется от остальных Лиц, которых воплощение нисколько не затрагивает. Напротив, Церковь видит в вочеловечении

Логоса результат общего действия Божественных Ипостасей. Не следует понимать это так, что Отец и Дух воплощаются вместе с Сыном. Различие Ипостасей остается в силе; из них одно лишь Слово облекается плотью. Но воля и действие Троицы не разделяются после воплощения; единство Бога, внутрибожественной жизни не нарушается. Эта гармоничная целостность жизни, воли и действия Божества осуществлена во Христе, в Его

Богочеловечестве: "Ибо в Нем обитает вся полнота Божества телесно" (Кол.2,9).

Итак, мы исповедуем во Христе совершенного Бога, но также и совершенного человека. Всецелое Божество соединилось в Его Лице со всецелым человечеством; все без исключения свойства и энергии всеобщей человеческой природы были восприняты Хри-

стом. Инициатива этого соединения исходила, разумеется, от Того, Кто воспринял нашу природу, чьи действия были *единичными* по ипостаси и *троичными* по способу проявления воли и благоволения. Однако воспринятая человеческая природа не была пассивной. Воплощаясь, Бог не насилует наше естество, не использует его как инертный материал для осуществления Своей воли. Человеческая природа в результате свободного личного

выбора дает свое согласие послужить вочеловечению Бога. Она предает себя Богу *всецело* в неповторимой личности конкретного человека (ибо природа только и может существовать в личностной ипостаси). Речь идет о Деве Марии, свободно избравшей послушание воле Божией. Таким образом. Ее согласие сделало возможной встречу человеческой воли с Божественной в акте воплощения Слова: "Се, раба Господня; да будет Мне по слову Твоему" (Лк.1,38).

В этих словах - выражение самоотдачи и самозабвения, принятие Божественной воли и абсолютное доверие к Его любви. Никакого эгоизма, никакого стремления к

личной выгоде. Мария соглашается зачать и родить Христа из одного лишь послушания Богу; она отдает себя исполнению Божественной воли. И потому зачатие Христа не обусловлено никакой естественной необходимостью или целесообразностью; никаким вожделием, страстностью, эгоистическим стремлением к наслаждению или же инстинктом продолжения рода. Из автономного биологического процесса материнство превращается в событие личностного порядка, связанное с добровольным согласием, добровольным послушанием Богу и упованием на провидение Божие. Именно благодаря свободе по отношению к естественной необходимости Пресвятая Богородица остается Девой и после рождения Иисуса.

Соединение Бога с человеком, воплощение Слова представляет собой, выражаясь языком Церкви, явление "сверхъестественное". Прежде всего это означает, что обе стороны - Бог и человек - действовали одинаково свободно, независимо ни от какого "естественного" детерминизма. В лице Пресвятой Девы Марии были упразднены пределы естества, а вместе с ними принципы и условия, определяющие жизнь твари в ее оторванности от нетварного. Но и нетварное, воплощаясь во чреве Девы, преступает границы Своего способа бытия и начинает существовать по образу твари: вневременное входит в поток времени, бесконечное становится конечным, вечное обращается в Младенца, бестелесное обретает ограниченную телесную индивидуальность. Для нас, людей, "сверхъестественное" означает освобождение от тварной ограниченности и от власти необходимости, подчинившей себе наше бытие после грехопадения. Для Божества "сверхъестественное" - это свобода, происходящая из трансценденности по отношению к любому детерминизму. Для Бога "сверхъестественное" действие означает, что Он "снисходит до нашей природы, то есть что Он унижается до природы низшей, которой Он ранее не обладал". Именно в этом двойном преодолении естества Церковь усматривает единственный экзистенциальный факт абсолютного характера - Личность Бога и Его образ, запечатленный в личностной человеческой экзистенции.

(Продолжение на стр.6)

"Итак, мы исповедуем во Христе совершенного Бога, но также и совершенного человека. Всецелое Божество соединилось в Его Лице со всецелым человечеством; все без исключения свойства и энергии всеобщей человеческой природы были восприняты Христом.

Церковь признает в личности Пресвятой Богородицы единственное творение в лоне

Богоматерь

всего созданного Богом мира (как материального, так и духовного), в котором вполне была достигнута конечная цель тварного бытия: всеовершенство единение с Богом, максимальная реализация всех жизненных возможностей. Согласие Марии на воплощение Сына - не просто согласование человеческой воли с Божественной. Речь идет о единственном в своем роде экзистенциальном факте взаимопроникновения жизни нетварной и жизни тварной. Пресвятая Дева была сочтена достойной участвовать своей природной энергией (энергией воли, но также и материнства) в единой энергии Божества, то есть в самой Божественной жизни. Ее естество, ее кровь, биологическая жизнедеятельность ее тела отождествились с жизнью воплощаемой Ипостаси Божественного Логоса. Бог-Слово как Ипостась стал как бы "совладельцем" тела Марии, в ее утробе обретая Свои человеческие плоть и кровь - из ее плоти и крови. Так в непостижимом таинстве Боговоплощения соединились в некоем взаимодействии естественная энергия Пресвятой Девы - тварная и нетварная животворящая энергия Пресвятой Троицы.

Таким образом. Богоматерь не просто "предоставила" свой биологический организм Богу-Слову. В самом деле, любящая мать не "предоставляет" свое тело ребенку, но выстраивает из собственной плоти и крови новую человеческую экзистенцию. Она же дает младенцу и "душу", передавая ее вместе со своим молоком, словами, нежностью и лаской. Церковь настаивает на том, что Сын Божий воспринял в Своем воплощении не просто человеческую плоть, но "плоть, одушевленную разумной и мыслящей душой", как и любой человеческий младенец. Христос воспринял нашу природу вкупе со всеми составляющими и выражающими ее телесными и психическими энергиями. Следовательно, роль Богоматери не ограничивалась построением Христовой плоти, но распространялась и на то, что мы могли бы назвать формированием души, человеческой психики ее Сына, поскольку мать стоит у истоков первоначального душевного опыта ребенка, у истоков его познания мира, его первого лепета, его постепенного вхождения в мир имен и символов, в мир людей.

Будучи Матерью Бога, Дева Мария в своем существовании отождествила жизнь тварную с жизнью нетварной, воссоединив

собой творение с Творцом. Отныне каждое существо и весь созданный Богом мир в целом обретают в ней путь к "истинной жизни", доступ к экзистенциальной полноте. "О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род". Язык церковной поэзии прилагает к Пресвятой Деве всевозможные образы из мира природы именно для того, чтобы выразить ощущение универсального обновления тварного мира в лице Богородицы. Ее называют "небом", "благодатной землей", "нерушимой скалой", "камнем, напоющим жаждущих жизни", "цветущим лоном", "плодородной почвой". Несравненное семантическое богатство православной иконографии выражает эти же образы зрительно - как в рисунке, так и в цвете. На иконах Богоматерь изображается то сидящей на троне Царицей, держащей на коленях Младенца, то молящейся, то нежно обнимающей Ребенка, то лежащей на ложе после Рождества Христова или же своего Успения. Дева Мария - это новая Ева, воссоединяющая нашу природу не в "протиестественной" автономии и смерти, но в причастности Божеству и жизни вечной. Ее личная воля восстанавливает для всего тварного мира его изначальную экзистенциальную цель, возвращает смысл и надежду нетерпеливому ожиданию твари. Когда верующие, взыскующие спасения, взывают о помощи к Богородице, они просят не о юридическом посредничестве, но стремятся соединить свою собственную слабую волю с животворящей волей Той, которая ответила "да" спасительной любви воплощенного Бога.

Принимая на Себя человеческую природу, Бог вступает в поток времени, в определенный момент человеческой истории. Иисус Христос - лицо историческое. Он рождается в конкретную эпоху и в конкретном месте от матери, генеалогия которой восходит также к совершенно определенному израильскому племени, к царскому роду Давида. Следовательно, Сам Иисус - иудей по рождению, включенный в социальные условия эллинистического мира Римской империи, подчиненный государственно-политическим структурам оккупированной римскими войсками Иудеи.

Само Его имя представляет собой синтез двух языков и двух традиций, образующих историческое обрамление Его эпохи, а позднее - историческую плоть ранней Церкви: Иисус - еврейское имя, Христос - греческое. Слово "Иисус" происходит от греческого *Isoys* - эллинизированной формы еврейского имени "Иешуа", восходящего к глагольному корню со значением "спасать", "приходить на помощь". "Христос" (греч.

Christos) - субстантивированное прилагательное от глагола *chrio* (помазывать) и означает "помазанник", "получивший помазание" (греч. *chrisma*). В иудейской традиции помазание обычным или ароматизированным растительным маслом было зримым знаком того, что помазанник - царь или священник - избран Богом для служения национальному единству или же для посредничества между народом и "Богом сил". Но Помазанником (Христом) Божиим в собственном смысле

называли Мессию, о котором пророчествовало Писание, и потому слово "Христос" отождествилось в конце концов в семантическом плане со словом "Мессия". Соединяя основное имя - Иисус - с обозначением избранничества - Христос, Церковь одновременно указывает на историческую личность и дает истолкование событию воплощения.

Евангелист Лука намечает исторический контекст своего повествования, сообщая о проповеди Иоанна Предтечи и параллельно описывая начало общественного служения Христа. Он начинает с того, что указывает год правления римского императора:

"В пятнадцатый же год правления Тиверия кесаря..." (Лк.3,1). Эта историческая веха вполне достаточна для определения точной хронологии. Но Лука уточняет свою датировку с дотошностью опытного историка, словно предвидевшего последующие сомнения в историчности Иисуса. Для этого евангелист перечисляет местных правителей: "...когда Понтий Пилат начальствовал

Исторический контекст

в Иудее, Ирод был четвертовластником в Галилее, Филипп, брат его, четвертовластником в Итуре и Трахонитской области, а Лисаний четвертовластником в Авилинее" (Лк.3,1). Но и это ему кажется недостаточным, и он упоминает также религиозных правителей Израиля: "при повселещении Анне и Каиафе..." (Лк.3,2).

Тщательность Луки в отношении точной датировки событий оправдывает себя много веков спустя, когда в послеренессансной Европе, на волне атеизма, будут предприняты попытки доказать мифичность и неисторичность Личности Христа и тем самым с легкостью разрешить проблему Богочеловека, объявив ее "несообразностью" и "безумием". Несколько поколений исследователей XIX и XX веков проведут обширные и многообразные изыскания относительно исторической достоверности Евангелий. Датировки, упоминания конкретных лиц, известных исторических деятелей эпохи, географических названий, хронология параллельных событий подвергаются проверке в процессе филологического и исторического анализа текстов. Результаты будут сопоставлены с данными археологических открытий. Христианская апологетика привлечет в качестве научного материала упоминания о Христе в нехристианской литературе, подтверждающие Его историчность. Речь идет о сочинениях Плиния Младшего (ок.112), Тацита (ок.115), Светония (ок.120) и о более ранних свидетельствах, таких, как, например, знаменитый отрывок из Иосифа Флавия (ок.93), хроника Фаллуса Самаритянина, написанная в Риме (ок.60),

или письмо сирийца Мара Бар Саралиона (73). Различными путями историческое исследование придет к выводу о несомненной историчности Иисуса Христа, оставляя в стороне, однако, вопрос об истолковании события, воплощением которого является эта личность.

В качестве второй "линии обороны" западный рационализм последних двух сто-

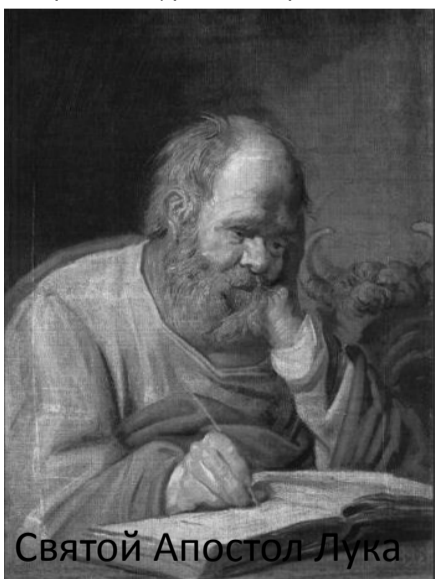
летий выдвинул утверждение о "мифологизации" исторической личности Христа первоначальной христианской общиной. "Логика" этой интерпретации примечательна. Она исходит из того, что почти всю доступную нам информацию об исторической личности Иисуса Христа мы черпаем из раннехристианских текстов: Евангелий, Деяний и Посланий апостолов. Однако данные этих источников представляют Иисуса исключительно в идеализированном виде, что связано с задачами проповеди - доказать соответствие Личности Христа мессианским ожиданиям, религиозным устремлениям и миссионерским притязаниям первоначальной общины. Следовательно, существует различие между "историческом Иисусом" и "Христом апостольской проповеди", представленной в Евангелиях. Для преодоления этого разрыва и восстановления исторической истины об Иисусе необходимо очистить евангельские тексты от сомнительных элементов - признаков "идеализации" - и сохранить лишь материал, признанный исторически достоверным. Естественно, возникает проблема: на основании каких критериев следует предпринять "чистку" текстов Евангелий и каковы ее пределы? Споры относительно этого практического вопроса породили множество школ, направлений и методов интерпретации, прежде всего в протестантском мире. Все они исходили из критического отношения к евангельским текстам, выраженного более или менее отчетливо, порой вплоть до полного отрицания "сверхъестественного элемента" вообще - отрицания чудес и воскресения Христова.

Весь этот комплекс проблем представляет собой, несомненно, следствие определенной гносеологии, характерной для западноевропейского человека и вообще для человека западной цивилизации. На предыдущих страницах нашей книги мы уже упоминали о специфической особенности "позитивного" познания: оно всегда

требует неоспоримых доказательств, благодаря которым каждый из нас мог бы обладать абсолютно надежным знанием. Такая установка предполагает индивидуалистическое отношение к жизни, стремление к индивидуальным гарантиям, к насильственной автаркии; она предполагает в качестве фундамента цивилизации "права индивидуума", то есть образ жизни, прямо противоположный церковному. Мы уже видели, что последние изыскания самих "позитивных" наук (как естественных, так и гуманитарных - истории и антропологии) приводят к гносеологическому выводу о невозможности "чистой позитивной науки" в полном смысле слова. Однако стремление западного человека к обладанию исчерпывающим знанием на индивидуальном уровне и к удовлетворению этой потребности в рамках своих субъективных познавательных способностей вряд ли может остановиться перед препятствием теоретического характера. В действительности эти претензии порождены определенным духовным климатом и образом жизни в целом. В сравнении с церковным способом реализации жизни как динамичного самоопределения и единения в любви, речь идет о поистине *еретическом* образе подлинного бытия.

Надо сказать, что в рамках самой западной теологии в результате многочисленных углубленных исследований была выявлена несостоятельность противопоставления "исторического Иисуса" - "Христу апостольской проповеди" и доказана историческая достоверность Евангелий. Для западного человека апологетическая уверенность в исторической надежности евангельских текстов является прежде всего педагогической ценностью, так как может поддержать веру "слабых душ". Однако возможности апологетики в этой области ограничены: она в состоянии доказать, что евангельские повествования - не мифы, а подлинные, должным образом засвидетельствованные события; но она не способна их истолковать, выявить их истоки и цели. Никакая апологетика не может удостоверить Богочеловечество Христа, Его победу над смертью и обновление твари, свершившееся в исторической Личности Иисуса. Евангельская проповедь вне истины о воплощении Бога и обожении человека остается лишь прекрасным, но прежде всего утилитарным моральным учением, а ссылки на чудеса Христовы - не более чем "сверхъестественной странностью", по сути своей необъяснимой.

(Продолжение в №44)

Святой Апостол Лука

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

(Продолжение. Начало в №27-42)

К концу второго века "первохристианский" период церковной истории можно считать законченным. Если христиане в Римской империи все еще составляют гонимое меньшинство, то это меньшинство уже ясно осознало свое универсальное признание.

К этому времени относятся слова Тертуллиана: "Мы существуем только со вчерашнего дня, и, однако, мы наполнили все ваше: города, острова, крепости, муниципии, лагеря, трибы, курии, дворец, сенат, форум... Если только мы враги ваши, то у вас больше врагов, чем граждан, потому что все ваши граждане сделали христианами". Конечно, это риторическое преувеличение опытного юриста, но оно достаточно показательно.

Во втором веке уже вполне определенно выкристаллизовались все три известные нам ныне формы церковного служения - диаконовство, священство, епископство. Попробуем проследить их развитие.

Апостолы получили свое название и свое главное призвание оттого факта, что они были посланы Господом в качестве миссионеров. Они не были единственными, получившими дары Духа. В Церкви также были пророки, как Агав (Деян.11:28, 21:7), и учителя, занимавшиеся подготовкой новокрещаемых. В Коринфской церкви особенно ценился некий дар говорения языками, осторожно относиться к которому призывал апостол Павел (1Кор.13:14). Он и дал первую иерархию церковных даров, в которой говорение языками стоит на последнем месте: "И иных Бог поставил в Церкви, во-первых, апостолами, во-вторых, пророками, в-третьих, учителями, далее, иным дал силы чудодейственные, также и дары исцелений, вспоможения, управления, разные языки..." (1Кор.12:28). Интересно, что дар апостольства св. Павел относит к дарам мирского служения, а епископство, пресвитерство и диаконовство как бы выносит за скобки.

Через 60-70 лет св. Игнатий Антиохийский как о вещах очевидных пишет об епископе вместе с пресвитерами и диаконами. В его время уже не было апостолов и пророков. Однако, очевидно, в течение более чем одного поколения апостолы и пророки сосуществовали с епископами (пресвитерами) и диаконами. Именно эта ситуация зафиксирована в "Дидахе" - документе, который для многих отцов Церкви имел статус, равный с Писанием и который считался утерянным до 1883 г., когда он был опубликован по манускрипту 1056 г. Скорее всего, текст, находящийся в рукописи, претерпел некоторые изменения со дня своего написания. Но с самого начала Дидахе был компилятивным текстом, составленным из разных источников; по всей видимости, большая часть их относится к

IV. Развитие структуры Церкви

периоду между 70 и 107 гг.

Дидахе начинается с призыва к новообращенным, заимствованного из иудейского трактата "Два пути". После этого следуют указания о крещении, о постах по средам и пятницам, дается правильный текст Господней молитвы (которую нужно произносить трижды в день) и уже цитированные выше ехаристические молитвы. Последняя часть Дидахе (возможно, она была добавлена к основному тексту чуть позже) обращает особое внимание на опасность от самозванцев и шарлатанов: там даются правила относительно гостеприимства к апостолам, пророкам и всем другим посетителям, претендующим на щедрость общины, а также предлагаются правила, как отличать лжепророков от пророков настоящих, какое содержание определить пророку, пожелавшему поселиться в общине, и какое содержание полагается местной иерархии:

"Поставляйте себе также епископов и диаконов, достойных Господа, мужей кротких и несребролюбивых, и правдивых, и испытанных, ибо и они также исполняют для вас служение пророков и учителей; поэтому не презирайте их, ибо они у вас должны быть почитаемы вместе с пророками и учителями".

Очевидно, у автора Дидахе были некоторые опасения, что представителям местной иерархии не будет оказано такого же уважения, как бродячим харизматикам. Но по мере роста и консолидации местных общин роль миссионеров и пророков, не связанных с определенным местом, постепенно маргинализировалась. Вдохновенных проповедей и учения стали ожидать от местной иерархии. Уже для св. Игнатия было совершенно очевидно, что чудо Божественной благодати дается прежде всего через таинства Церкви, собранной вокруг своего епископа, говорящего в Духе. В Дидахе, так же как и в послании св. Климента Римского и в поздних новозаветных писаниях (см. 1Тим.3), местная иерархия двусложна - епископы или пресвитеры и диаконы. Согласно многочисленным свидетельствам, между этими двумя степенями есть разница в их литургическом служении: епископ-пресвитер совершает ехаристию, а диакон помогает ему. Диаконы также помогали епископу распорядиться церковной собственностью и заниматься социальным

му не известную, сложную, запутанную, противоречивую и ненужную книгу - Библию они почитали боговдохновенной. Апологетам нужно было показать вечный смысл ветхозаветной истории и в то же время, отмежевываясь от иудаизма, продемонстрировать истину именно христианского понимания Библии. Нужно было найти параллели между греческой философией и христианской мыслью, но одновременно представить языческую философию предшественницей христианства, а христианство - откровением того, что языческая философия лишь предчувствовала.

Нужно было также опровергнуть все нелепые слухи. Апологеты описывали Евхаристию, стараясь объяснить, в чем ее смысл, и обосновать нежелание христиан поклоняться языческим богам. Они обсуждали христианскую нравственность, показывая, что настоящие христиане должны быть хорошими гражданами и добросовестными людьми. Апологии можно считать первой главой церковного богословия, первой попыткой систематизировать данные Писания, Предания и церковной жизни.

Одним из самых известных апологетов был св. Иустин Мученик, также известный под почетным прозвищем Философ (+166

г.). К третьему веку общины выросли до такой степени, что диаконам пришлось также заниматься поддержанием порядка; в Африке во время св. Киприана диаконы раздавали причастие. В Риме около 150 г., согласно св. Иустину Мученику, диакон относил причастие больным или заключенным братьям. Позже в ряде церквей (но не во всех) появился обычай чтения Евангелия во время литургии диаконом.

Обычным миссионерским методом Церкви было прежде проповедовать в городе, где и основывалась община. Служить в сельских местностях епископы посылали пресвитеров, но известны случаи, когда ехаристии в деревнях совершались и диаконами. Однако очевидно, что эти случаи воспринимались как злоупотребления: они были запрещены на соборе в Арле (314 г.), а затем и на Никейском Соборе (325 г.). К этому времени в сельских местностях обычно уже были постоянно живущие там пресвитеры.

Диаконы возводили себя к семи перво-диаконам (Деян.6): об этом свидетельствует, например, св. Ириней Лионский. Примечательно, что в Римской церкви до средних веков было только семь диаконов. Того же обычая придерживались малоазийские церкви до четвертого века.

Первоначально диаконовство не рассматривалось как подготовительный период для пресвитерства: обычно в диаконы рукополагали на всю жизнь, если, конечно, диакон не избирался в епископы. В великих городах, таких как Рим, диаконы обладали весьма значительной властью. Самый первый зафиксированный в документах архи-диакон был в начале четвертого века в Африке. Архидиаконом называли главного диакона поместной Церкви, обладавшего громадной финансовой и административной ответственностью. Очень многие диаконы, и особенно архидиаконы были позднее избраны в епископы. Социальным (но не литургическим) служением наряду с диаконами занимались и диаконысы.

Вспомогательный статус диаконов очевиден и в самом раннем дошедшем до нас тексте рукоположения из "Апостольского предания" св. Ипполита (ок. 200-220): если при рукоположении пресвитера все пресвитеры совместно с епископом налагают руки на кандидата, то на кандидата в диаконы

г.).

Св. Иустин был родом из города Флавианополиса (Сихема) в Палестине. Он происходил из семьи имперского чиновника. В детстве он получил классическое языческое образование, в ходе которого изучал греческих философов, в частности Платона. Он искал истину в различных философских школах, но нигде не мог получить ответа на волнующие его вопросы. Однажды, как об этом рассказывает он сам, гуляя на берегу моря, он повстречал благообразного старца, убившего его в том, что ветхозаветные пророки и были истинными философами. По преданию, этим старцем был св. Поликарп Смирнский. Уже по обращению в христианство св. Иустин завершил свое философское образование, получив "паллиум", т.е. плащ профессионального философа, в философской школе в Эфесе. Степень философа давала ему право преподавать, и он отправился в Рим, где открыл собственную школу.

Св. Иустина можно назвать первым христианским интеллигентом. Среди церковных писателей и богословов он был первым представителем греко-римского общества. По свидетельству Евсевия, его перу принадлежит много сочинений. До нас дошли лишь три: две апологии (первая - им-

налагает руки один епископ, "ибо он рукополагается не для священства, а для служения епископу".

Это двусложное священство было, неотъемлемо связано с ехаристическим служением. Однако среди пресвитеров-епископов один был главным совершителем таинства. Постепенно титул епископа стал употребляться только по отношению к нему, в то время как за остальными остался титул пресвитеров. Такому переходу способствовали три фактора. Первым особым правом, которым обладал старший среди пресвитеров, было право рукоположения. Почти сразу это стало только его прерогативой. Во-вторых, переписка между церквами обыкновенно совершалась председательствующими пресвитерами-епископами. В-третьих, на рукоположения обычно съезжались представители соседних общин и совместно возлагали руки на кандидата.

В Иерусалиме Церковь с самого начала возглавлялась одним предстоятелем, во главе группы старейшин-пресвитеров. То же можно сказать и об Антиохии, чему свидетельство - послания св. Игнатия. Скорее всего, к его времени процесс разделения обязанностей между епископом и пресвитерами совершился уже и в других церквах.

Первое время не было единого для всех согласованного способа епископской хиротонии. Мы знаем, что в Александрии в епископской хиротонии принимали участие и пресвитеры (об этом см. ниже). Однако в Риме, во время св. Ипполита, епископа рукополагали только епископы, собиравшиеся из других церквей. Служба проходила в воскресенье. Выбор кандидата зависел от всей общины: духовенства и народа совместно; теоретически требовалось единогласие, однако на практике такие выборы часто приводили к расколу на две (или более) фракции. Избрание народом играло важную роль и в рукоположении пресвитеров и диаконов.

Итак, трехчастная система - один епископ в одном городе, с пресвитерами и диаконами - во втором веке повсеместно утвердилась повсюду без каких-либо особых споров и разногласий. Дальнейшим естественным развитием того же процесса было утверждение системы церковных провинций, согласно которой в третьем веке особое почтение оказывалось епископу главного города имперской диоцезы и еще большее - епископам трех великих городов Империи - Рима, Александрии и Антиохии. Именно эти три города упомянуты в шестом правиле Никейского Собора, где определяется, что их юрисдикция выходит за рамки одной диоцезы (см. ниже). Общее историческое развитие можно рассматривать как переход от неопределенной и несколько аморфной структуры к более четкой организации.

ператору Антонию Пию и вторая - Сенату) и "Разговор с Трифоном Иудеем". Эти апологии были попыткой объяснить эллинистической интеллигенции правду о христианстве, протестом против преследований христиан "за одно лишь имя" и стремлением расположить римских правителей к более объективному взгляду на христианство и к более милосердному обращению с христианами.

В первой апологии содержится одно из самых ранних описаний христианского богослужения:

"Потом мы приводим их туда, где есть вода, и они возрождаются таким же образом, как мы сами возродились, то есть омываются тогда водою во имя Бога Отца и Владыки всего, и Спасителя нашего Иисуса Христа и Духа Святого. ...Так как мы не знаем первого своего рождения... и выросли в худых нравах и дурном образе жизни, то, чтобы не оставаться нам чадами необходимости и неведения, но чадами свободы и знания и чтобы получить нам отпущение прежних грехов, - в воде именуется на хотящем возродиться имя Отца всего и Владыки Бога... А омовение это называется просвещением, потому что просвещаются умом те, которые познают это" (1-я апология, 61).

(Продолжение на стр.8)

V. Апологеты

Ко второму веку принадлежат и "апологии" - защитительные речи, с которыми образованные христиане обращаются к императору и к общественному мнению, доказывая ложность обвинений против них, представляя свою веру как высшую Истину, доступную всякой честной философской проверке, как истинный ответ на все запросы человеческого сознания.

Авторы апологий называются апологетами. Обычно апологии были двух типов: юридические и философские. Их целью было продемонстрировать языческому обществу приемлемость христианства как с культурной, так и с философской точек зрения.

Помимо абсурдных обвинений в каннибализме, разврате, поклонении ослиной голове etc., распространенных среди простонародья, интеллигенты также относились к христианству с неприязнью, считая его вредным, анархистским атеистическим суеверием. Христиан обвиняли в варварстве за то, что (как считали язычники) нико-

История Православной Церкви

Дворкин Александр Леонидович.
(Очерки по истории Вселенской
Православной Церкви)

Интересно, что крещение св. Иустин рассматривает как рождение в новую жизнь и ничего не говорит о том, что позднее на Западе стало считаться основным смыслом обряда оставление первородного греха и избавление от вины Адама. Отсутствие понятия вины потомков за первородный грех характерно для восточной святоотеческой мысли, в то время как на Западе утвердилась идея, что все люди разделяют вину адова грехопадения и могут оправдаться лишь посредством крещения.

"По окончании молитв мы приветствуем друг друга лобзанием. Потом к предстоятелю братий приносится хлеб и чаша воды и вина: и он, взявши это, воссылает именем Сына и Духа Святого хвалу и славу Отцу всего и подробно совершает благодарение за то, что Он удостоил нас этого. После того как он совершит молитвы и благодарение, весь присутствующий народ отвечает: аминь. Аминь - еврейское слово, значит: да будет. После благодарения предстоятеля и возглашения всего народа так называемые у нас диаконы дают каждому из присутствующих приобщиться хлеба, над которым совершено благодарение, и вина и воды, и относят к тем, которые отсутствуют..."

Пища эта называется у нас евхаристией (благодарением. - А.Д.), и никому другому не позволяется участвовать в ней, как только тому, кто верует в истину учения нашего и омылся омовением во оставление грехов и в возрождение, и живет так, как заповедал Христос. Ибо мы принимаем это не как обыкновенный хлеб или обыкновенное питье: но как Христос, Спаситель наш, Словом Божиим воплотился и имел плоть и кровь для спасения нашего, таким

же образом пища эта, над которой совершено благодарение через молитву слова Его и от которой через уподобление получает питание наша кровь и плоть, есть - как мы научены - плоть и кровь того воплотившегося Иисуса. Ибо апостолы в написанных ими сказаниях, которые называются Евангелиями, передали, что им было так заповедано: Иисус взял хлеб и благодарил и сказал: Это делайте в Мое воспоминание, это есть тело Мое; подобным образом Он взял чашу и благодарил и сказал: это есть кровь Моя, и подал им одним (Мф.26:26-28)... С этого времени мы всегда между собой делаем воспоминание об этом... В так называемый день солнца (воскресенье - А.Д.) бывает у нас собрание в одно место (εἰς τό αὐτό) всех живущих по городам и селам; и читаются, сколько позволяет время, сказания апостолов или писания пророков. Потом, когда чтец перестанет, предстоятель посредством слова делает наставление и увещание подражать тем прекрасным вещам. Затем мы все встаем и воссылаем молитвы. Когда же окончим молитву, тогда... приносится хлеб, и вино, и вода; и предстоятель также воссылает молитвы и благодарения, сколько он может. Народ выражает свое согласие словом "аминь", и бывает раздаяние каждому и приобщение даров, над коими совершено благодарение, а к небывшим они посылаются через диаконов... В день же солнца мы все делаем собрание потому, что это есть первый день, в который Бог, изменивши мрак и вещество, сотворил мир, и Иисус Христос, Спаситель наш, в тот же день воскрес из мертвых" (1-я апология, 65-67).

"Разговор с Трифоном Иудеем", напи-

санный Иустином около 160 года, - самая ранняя известная в истории апология против иудаизма. Интересно, что весьма долгий период дискуссия между Церковью и синагогой привлекала внимание христианских мыслителей. "Разговор", написанный в форме двухдневной дискуссии с ученым раввином Трифоном, главным образом защищает утверждение христиан, что их вера является вселенской религией, появление которой было предсказано ветхозаветными пророками. Св. Иустин приводит самые детальные аргументы, основанные на ветхозаветных текстах. Апология раскрывает христианское понимание Ветхого Завета. Главный аргумент Иустина - что Моисеев закон был дан иудеям лишь на время, а вечный его смысл открывается в христианстве. Уверовавшие во Христа и последовавшие за Ним и есть новый Израиль, подлинный народ Божий.

Св. Иустин широко применяет **типологический подход** к ветхозаветной экзегезе. Известны три основных типа экзегезы. Это **буквализм**, или **реализм**, - т.е. изучение буквы Писания и конкретного смысла каждого слова. Это **аллегоризм**, т.е. вера в то, что Писание является таинственной книгой, каждое слово которой - лишь аллегория, криптограмма, означающая нечто другое. И, наконец, **типология**, т.е. убеждение, что ветхозаветные события, при всей их реальности, также являются прообразами (τύπος) того, что раскрылось в Новом Завете. Именно этот метод станет основным в позднейшей святоотеческой экзегетике.

Другими апологетами были: **Афинагор Афинянин**, **Феофил Антиохийский**, **Татиан Ассириец**. Последний, обратившийся в

христианство в Риме, вероятно, под влиянием самого Иустина Философа, известен тем, что составил **Диатессерон** - своего рода симфонию четвероевангелия, из которого он опустил родословие Христа и все места, показывающие Его историческое происхождение от царя Давида. Этим евангельским сводом вся Антиохийская церковь пользовалась в богослужениях до пятого века, когда блж. Феодорит Киррский изъял его из употребления.

В 172 г. Татиан отправился на Восток, где впал в гностицизм (см. ниже) заблуждения, сделался ярким противником греческой философии и в конце концов отпал от Церкви. Он основал секту энкратитов, отвергавших брак и употребление мяса и вина. Крайними энкратитами были аквари, совершавшие евхаристию на воде.

Итак, сначала мир в лице Империи гнал христианство, но не спорил с ним. Он был равнодушен к его содержанию, презирал его. На это Церковь ответила "маририей". Это заставило задуматься, с христианством начали спорить. Вначале язычники его высмеивали. Типичным примером такого иронического отношения образованного язычника к христианству была книга Лукиана Самосатского "О смерти Peregrina".

Цельс, написавший свое "Истинное слово" (ок. 150 г.), должен был основательно изучить христианство для аргументированного его опровержения. Простыми насмешками было уже никак не обойтись. Итак, христианство постепенно делалось внушительной силой, с которой язычники были вынуждены считаться.

VI.

ГНОСТИЦИЗМ

1. Опаснее открытого гонения для Церкви было соприкосновение с идеями и верованиями эллинистического окружения. Апостол Павел в проповеди афинянам, говоря об одном из главных положений христианства, о воскресении мертвых, встретил полное непонимание местных жителей. Именно идея телесного воскресения была "безумием для эллинов", а идея распятого, страдающего Бога - "соблазном для иудеев".

Все же для иудеев и "чтущих Бога", "боящихся Бога" язычников было легче понять и принять христианство. Для греков, чтобы даже услышать, о чем говорит христианство, требовалось перерождение всего образа мысли, то есть настоящая метанойя.

Для последователя Платона тело было темницей души, мешающей истинному восприятию небесных реалий. История для образованного грека была спиралью, круговоротом, и идея конца времен просто не укладывалась в его сознании.

Лишь в Библии было дано подлинное чувство истории, т.е. необратимости, неповторимости времени, а в нем единичности и неповторимости каждого события, каждой личности. Сейчас мы принимаем эти идеи как данность, но мы живем в мире, сформированном христианской Цивилизацией. Раньше этого не было.

Мы осознаем личностность истории. Мы знаем Бога как живую и творческую Личность, к Которой относится весь мир, Которой он живет и Которой он определяется. А раз весь мир пронизан личной жизнью, он может раскрыться, как история. Он находит свое средоточие в человеке, свободной личности, стоящей перед Личным Богом и перед Ним избирающей и решающей свою судьбу. И в человеке весь мир отвечает Богу, борется с Богом, жаждет Бога и, наконец, соединяется с Ним в свободе, любви и истине.

Но этому реализму противостоит идеализм греческого сознания, в котором не история и не личная жизнь, а Природа составляет центр всех устремлений, где последняя мудрость состоит в слиянии и растворении всего личного с идеальной закономерностью бытия.

Именно в этом глубинном несоответствии двух мироощущений и состоит противостояние Афин и Иерусалима. В конце концов "воцерковленный" эллинизм навеки оплодотворил христианскую мысль. Но процессу "воцерковления" предстояло быть очень долгим.

Чтобы этот процесс мог начаться, Церкви нужно было отгородиться от всех попыток легко примирить христианство с духом времени, безболезненно перетолковать его на эллинистический лад. Если бы Церковь осталась заключенной в одни еврейские формы, она не победила бы мира, но если бы она попросту приспособила эти формы к формам эллинистического сознания, то это была бы победа мира над христианством.

Первый враг, с которым пришлось столкнуться Церкви, как раз вдохновлялся идеей компромисса, истолкования, примирения. Враг этот - гностицизм.

2. **Гностицизм** (от γνῶσις - знание) был смесью греческой философии с восточным мистицизмом. Для гностицизма характерен псевдонаучный подход к религиозным вопросам, который сочетается с мистическими фантазиями и всевозможными секретами. Человеку предлагался и обещался "гнозис" - посвящение в последние тайны бытия, возведенные в высшие степени знания. А в обрядах, церемониях, посвящениях утолялось вечное стремление человека к "сакральному".

Это было время, отчасти похожее на наше. Оно было характерно такими же поисками синкретической религии, вмещающей в себя всё и дающей определенные ответы на все сокровенные вопросы бытия.

Гностицизм, особенно поначалу, был весьма дружелюбен к Церкви. Возникнув до христианства и независимо от него, гностицизм в своем развитии не мог не натолкнуться

на Церковь и не "заинтересоваться" ею. Его интересовали Восток, иудаизм, мистери, тайны, секреты. Его полем были те же вопросы, на которые давало ответ христианство: о происхождении зла, о смысле страданий, о смысле жизни.

С самого начала были сделаны попытки создания "христианского гнозиса", т.е. попытки истолковать Евангелие, "обойти" в нем все, что кажется непонятным и неприемлемым, и прежде всего саму действительность воплощения Бога, человечности Христа. Очень многие гностические религиозно-философские системы стали основываться на фактах и учении христианства. Более того, гностики всегда старались подкрепить свое учение ссылками на Самого Христа, от Которого тайное знание якобы передавалось от человека к человеку. Согласно утверждениям гностиков, происхождение многих их теорий восходило к Марии Магдалине, которой Спаситель по Своему воскресению открыл якобы много разных тайн. От нее это эзотерическое знание дошло до последующих поколений через ряд избранных духовных людей - элиты, достойной хранить недоступный простым смертным великий гнозис.

3. Гнозис был известен уже в апостольские времена. Св. Павел предупреждает: "Смотрите, братия, чтобы кто не увлек вас философией и пустым обольщением, по преданию человеческого, по стихиям мира, а не по Христу" (Кол.2:8). Также мы читаем и у св. Иоанна: "Возлюбленные! Не всякому духу верьте, но испытывайте духов, от Бога ли они, потому что много лжепророков появилось в мире" (1Ин.4:1).

Опасность распространения гностицизма усиливается, когда в Церкви начинают преобладать обращенные из язычества. Многие из них не могут сразу постичь коренное отличие христианства от восточно-эллинистических "мистериальных" религий, воспринять всю новизну Евангелия.

В Коринфе уже во время апостола Павла появилась "духовная аристократия", гордящаяся обладанием более глубокой мудростью и более глубоким мистическим опытом, чем их братья по вере и даже чем

сам апостол. Они считали себя совершенными и относились к своим собратьям-христианам как к низшим существам, неспособным подняться на сверхъестественные высоты. Там также были дуалисты, считавшие тело ничем (а то и корнем зла), а дух - всем. Такая вера приводила к соответствующим нравственным последствиям. Некоторые коринфяне сделали вывод, что физические поступки не играют никакой роли в духовном мире: вдохновляясь учением апостола Павла о свободе от закона и принимая таинства как магические гарантии автоматического блаженства, они впади в обыкновенную плотскую распущенность. Другая группа ударилась в противоположную крайность: супруги стали воздерживаться от физической близости, а обрученные пары отказывались заключать брак. В полном соответствии со своими дуалистическими теориями они отвергли учение о телесном воскресении как слишком примитивное и предпочли платоническую доктрину о бессмертии души. Во всяком случае, говорили они, тех, кто уже достиг совершенства, телесное воскресение уже ничем не может обогатить. Они не видели ничего плохого во вкушении идоложертвенного мяса, так как они не верили в существование идолов.

В Колоссах, в Малой Азии, апостол Павел столкнулся с еще более опасной ересью - синкретической амальгамой христианства с теософическими элементами, заимствованными отчасти из мистериальных культов, а отчасти из иудейских сект. Многие колосские христиане поклонялись посредничеству ангельским силам, которыми они отождествляли с небесными телами. Они считали, что эти силы небесные обладают властью над человеческой судьбой и даже Евангелие не может помешать им вершить свою волю. Колоссяне соблюдали свои особые церемонии и отмечали праздники, заимствованные из иудейского календаря.

Обе эти ереси, как коринфская, так и колосская, безусловно, диагностируются как ранние формы гностицизма. (Продолжение в №44)

Редактор: Протоиерей Максим Липунов
Выпуск подготовила: И.Н. Андраханова
Электронная почта: lipunov.net@mail.ru
Сайт прихода: kuz.prihod.ru

Адрес:

654250, Новокузнецкий р-н, пос. Кузедеево, ул. Советская, 25.

Тираж: 300 экз.

УВАЖАЕМЫЕ ЧИТАТЕЛИ!

Просим Вас не употреблять эту газету в хозяйственных нуждах. Если она стала Вам не нужна, отдайте её другим людям, если стала ветхой, сожгите.